

DOI 10.37386/2305-4077-2022-2-45-51

В. Д. Денисов¹*Российский государственный гидрометеорологический университет*

КУЗНЕЦ И КРАСАВИЦА В ПОВЕСТИ Н. ГОГОЛЯ И РОМАНЕ В. СКОТТА

В статье рассматриваются впервые выявленные переключки повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1832) с историческим романом В. Скотта «Пертская красавица, или Праздник Св. Валентина» (1828, рус. пер. 1829). Эти очевидные для образованных современников параллели как бы «подсвечивали» сюжет гоголевской повести, образы ее героев. И тогда Диканька представляла средоточием Малороссии подобно графству Пертскому в Шотландии, главными героями также становились молодые кузнец и красавица, а временем их единения был христианский праздник. Вместе с тем, фактически повторялось изображение неполных семей (полусиротство) этих героев. На таком фоне их семейный союз просто обязан был стать полноправным, и потому в финале и романа, и повести показано, что после свадьбы героев в положенный срок следует рождение их ребенка как религиозное и природное одобрение данного союза.

Ключевые слова: исторический роман В. Скотта «Пертская красавица», кузнец и кузница

V. D. Denisov*Russian State Hydrometeorological University*

THE SMITH AND THE BEAUTY IN N. GOGOL'S STORY AND V. SCOTT'S NOVEL

The article deals with the first identified cross talks of N. V. Gogol's *The Night Before Christmas* (1832) with W. Scott's historical novel *The Beauty of Perth, or St. Valentine's Day* (1828, Rus. trans. 1829). These obvious parallels for educated contemporaries, as it were, "highlighted" the plot of Gogol's story, the images of its heroes. And then Dikanka appeared as the center of Little Russia, like the county of Perth in Scotland, the young blacksmith and the beauty also became the main characters, and the Christian holiday was the time of their unity. At the same time, the image of single-parent families (half-orphanhood) of these heroes was actually repeated. Against such a background, their family union simply had to become full-fledged, and therefore, in the finale of both the novel and the story, it is shown that after the wedding of the heroes, the birth of their child follows in due time as a religious and natural approval of this union.

Keywords: V. Scott's historical novel "The Perth Beauty", the blacksmith and the forge

Критик П. В. Анненков вспоминал, что Н. В. Гоголю «из всех имен иностранных поэтов и романистов было знакомо... не по догадке и не по слухам одно имя – Вальтер Скотта. Зато и окружил он его необычайным уважением, глубокой почтительной любовью. Вальтер Скотт не был для него представителем охранительных начал, нежной привязанности к прошедшему, каким сделался в глазах европейской критики; все эти понятия не находили тогда в Гоголе ни малейшего

¹ Владимир Дмитриевич Денисов – доктор филол. наук, профессор Российского государственного гидрометеорологического университета (РГГМУ); vladdenisoff@mail.ru.

отголоска и потому не могли задобривать его в пользу автора... Гоголь любил Вальтер Скотта просто с художнической точки зрения за удивительное его распределение материи рассказа, подробное обследование характеров и твердость, с которой он вел многосложное событие ко всем его результатам» [Анненков, 1983, с. 63]. И примечательно: перед тем, как продолжить за границей прерванную работу над поэмой «Мертвые души», писатель осенью 1836 г. в Женеве начал «перечитывать вновь всего Вальтера Скотта» [Гоголь, 1937–1952, т. XI, с. 60]².

Краткие отзывы Гоголя создают емкую характеристику «шотландского чародея», чье творчество отличают «занимательность рассказа» и «умение замечать самые тонкие оттенки...»; «...великого гения, коего бессмертные создания объемлют жизнь с такою полнотою»; «...великого дееписателя сердца, природы и жизни, полнейшего, обширнейшего гения XIX века» (т. VIII, с. 89, 160, 171). Вероятно, самыми важными он считал принципы повествования В. Скотта, когда именно Дух народа – основа его истории, быта, фольклора – определяет внешний вид и характеры персонажей, их речь, поведение, жизненные особенности и ситуации. Это и позволило автору объединить разные, зачастую противоречивые, взгляды, детали, литературные и фольклорные мотивы, а по большому счету – отразить восприятие мира данным народом и свою точку зрения как «сына этого народа», современного читателю художника-историка. Кроме того, общепризнанным было его умение сделать повествование увлекательным во всех частях, держать читателя в постоянном напряжении.

Влияние творчества В. Скотта на гоголевские произведения было сразу же отмечено современниками, но по-разному объяснялось А. Пушкиным, Н. Полевым, Ф. Булгариным, О. Сенковским, В. Белинским и др. В дальнейшем такое влияние отмечали гоголеведы, начиная с П. Кулиша, но значительно шире и подробнее оно стало рассматриваться лишь последнее время в работах М. Альтшуллера, М. Вайскопфа, Е. Дмитриевой, Э. Жилияковой и вашего покорного слуги [Альтшуллер, 1996, с. 258–261; Вайскопф, 2002, с. 594–597 и др.; Дмитриева, 2011, с. 17–18; Жилиякова, 2014, с. 164–185; Денисов, 2018, с. 78–79, 82–83 и др.]. Тем интереснее, что исследователи до сих пор не заметили явные и принципиально важные переклички с историческим романом В. Скотта «Пертская красавица, или Праздник Св. Валентина», который был напечатан в 1828 г. и сразу же переведен на французский язык, а в 1829 г. – и на русский [Скотт, 1829].

Действие романа происходит в конце XIV в. в Шотландии. Ее «лучшая и красивейшая часть» – графство Пертское, оно может называться «обворожительным, как по картинному местоположению своему, так и по прекрасному климату. Здесь природа во всем своем блеске <...> тут есть всё, что может возродить вдохновение в поэте и воспламенить воображение в живописце» [Скотт, 1829, ч. I, с. 1–2]³.

² Далее цит. по этому изд., указывая в квадратных скобках том – римской цифрой, страницу – арабской.

³ Далее цит. по этому изд., указывая в круглых скобках часть – римской цифрой, страницу – арабской.

Но «всех лучше, всех привлекательнее... было милое существо, прозванное *Пертскою красавицею*» – Катя Гловер, дочь Симона Перчаточника, которая «от природы была слишком набожна» (т. I, с. 3, 5). И отец вместо модных вертопрахов и придворных щеголей прочил ей жениха из ремесленников, подразумевая своего названного сына – кузнеца лет 26–27, «ружейных дел мастера», некрасивого и неблагородного Генриха Шмита⁴. Зато у этого героя «мужественная осанка. Руки... довольно толстые и жилистые, ноги, несколько искривленные в колене, но столь пропорциональные его корпусу, что это почти не делало ему ни малейшего безобразия; на нем была под плащом лосиная куртка, большой пестрый кушак с заткнутым за него кинжалом и небольшою саблею, как бы для защиты кошелька <...> густые черные волосы его были острижены под гребенку, в быстрых черных глазах заметны были мужество и решимость <...> Он имел чрезвычайно большой рот и белые, как слоновая кость, зубы <...> коротенькая борода и длинные усы завершали портрет» (т. I, с. 26–27). Лицо его и руки были «загорелые от солнца» (т. I, с. 41). При этом Генрих любит щеголять в «новом платье... по самой последней моде» (т. I, с. 54–55).

Когда он рассказывает за столом Симону и его дочери о своих путешествиях по Шотландии и поединках по различным поводам, то Катя не хочет слышать о его подвигах: она не выносит насилия и крови, даже уговаривает его не делать орудия убийства, а ковать только «замки, земледельческие лопатки и другие орудия, полезные для человечества» (т. I, с. 48). Шмит признается ее отцу, что Катерина «не похожа на других девушек... потому что она здесь не только всех прекраснее, но и умнее»; танцует, он «почти боится взглянуть в глаза к ней, бывает как-то неразвязен, робок» (т. I, с. 55–56). Она для него почти святая, и он полагает, что яно не стоит ее.

В День Св. Валентина он надел свой лучший костюм, чтобы поздравить Катю с праздником, и стал похож «на зажиточного купца Пертского графства... охотника пощеголять как красивым платьем, так и своею фигурою. Красивая талия и щастливый рост делали его чрезвычайно занимательным, доброе и отчасти выразительное лицо, мужественные приемы и смелость в каждом движении показывали в нем почти героя, который привык без страха идти навстречу всем возможным опасностям.

Одевшись таким образом, наш честный ружейный мастер положил за пазуху почти прямо к своему сердцу небольшой подарок, который он давно уже приготовил Катерине Гловер в качестве ее будущего Валентина <...> Подарок состоял в небольшом рубиновом сердечке, пронзенном золотою стрелкою. – Оно было обделано со всех сторон металлическою сеткою, самой искусной работы. На сетке были вырезаны мелким шрифтом следующие слова: “Стрела любви и через крепкий металл пронзает сердце”» (т. I, с. 69–70). Кузнец обещает себе, что не перестанет охранять спокойствие Кати «как теперь, так и в продолжении всей... жизни», которую, не задумываясь, готов пожертвовать за красавицу, и «мечтает вслух с самим собою вполголоса:

⁴ Древнегерманское имя Генрих – ‘могущественный, богатый’, немецкое Шмит – ‘кузнец’.

– *Добрый Генрих! Храбрый Генрих!* Ах, если бы она сказала: *милый Генрих!*» (т. I, с. 91, 93).

Далее поясняется, что «Генрих Шмит был в ту эпоху не более, как Пертский гражданин и искуснейший оружейный мастер, с пылкой головою и горячим характером; но, с другой стороны, он же был человеком добрым и, при всей своей жестокости, чувствительным, иногда даже до энтузиазма. Часто, работая в своей мастерской, он бросал вдруг молоток и клещи и принимался за чтение старинных баллад, – герои времен протекших воспламеняли пылкое его воображение; он мысленно переносился в те времена и представлял себя героем, обожателем красоты и защитником угнетенной невинности. После этого немудрено себе представить, сколько любовь его к Катерине была сильна и продолжительна при всех возможных препятствиях. Правду говорил он и то, что любовь его к ней была слишком робка; в милой девушке он точно видел героиню, поставленную обстоятельствами как бы выше его круга» (т. I, с. 100–101).

А Катерина после молитвы «не могла не призадуматься о Генрихе. В самом деле, он спас жизнь ее. Он был любим ее отцом; не довольно ли этих двух причин для того, чтобы питать к нему нежнейшую привязанность? – Я точно слишком холодна в обращении с ним, – говорила она сама себе. – Может быть, я несправедлива и неблагодарна к нему: батюшке чрезвычайно хочется, чтобы он был на этот год моим Валентином – так и быть...» (т. I, с. 102). Она целует его спящего как сестра – он просыпается и заключает ее в объятия. Но «Катерина в одну минуту умела принять на себя тот сурьезный вид и ангельское спокойствие, которое всегда обезоруживало бедного Генриха» (т. I, с. 105). Входит отец и поощряет его: «...Генрих снова заключил в свои объятия Катерину, и она, хотя с румянцем на щеках своих, но должна была принять от него поцелуй столь крепкий, что он стоил дюжины таких, какой она дала ему. Освободившись от объятий Шмита, наша красавица, как бы испугавшись того, что она сделала, бросилась быстро на стул и закрыла обеими руками прелестное лицо свое» (т. I, с. 106). Оно «было покрыто ярким румянцем, и в то же самое время слезы нависли на голубых очах ее» (т. I, с. 107–108). Затем она старается объяснить с кузнецом как можно откровеннее, говоря, что препятствия для их брака непреодолимы. Генрих ревнует. Оказывается, он соперничает с принцем, наследником престола, который преследует Катю, хотя та благоразумно отстраняется.

Окружение принца пытается устранить возможного соперника и нанимает убийцу. Но от его руки гибнет шапочник Оливье Прудфют – трус, болтун, хвастун, который случайно надел одежду кузнеца. Поэтому, когда обнаруживают убитого, то по одежде его сначала принимают за Шмита. И тогда Катя в беспамятстве бежит к дому кузнеца, стучит в ворота, зовет его – он открывает, она падает ему на руки (т. III, с. 18–19). Затем, когда за ней приходит отец, она с силой отталкивает героя, а потом оправдывается: она подумала, что Шмита убили. Он же «прижал красавицу к своей груди, и ему позволили сорвать поцелуй, который не хотели дать произвольно» (т. III, с. 34). Кузнец открывает, что теперь находит «удовольствие» в пении птиц, ибо у него «есть своя Валентина, и какие бы несчастья не ожидали...

завтра», теперь он «счастливейший человек не только в целом Перте, но даже в целом графстве, в целой провинции» (т. III, с. 36). После свадьбы героев «через девять месяцев добрая певица Луиза, сидя за красивенькою колыбелькою, убаюкивала прелестного младенца с голубыми глазами <...> Пользуясь всегдашним покровительством многих высоких лиц, с которыми судьба познакомила нашу пертскую красавицу и ее храброго мужа, семейство сих счастливых возрастало более и более, и впоследствии времени составило довольно значительную фамилию в Шотландии, где до сих пор еще сохраняется предание о кузнеце... и его супруге Катерине Гловер, известной под именем *Пертской красавицы*» (т. IV, с. 232–233). Таким образом, счастливый союз двух обычных людей привлекает общее внимание и оказывает значительное воздействие на будущее их страны.

* * *

Отметим очевидные параллели к роману в повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1832), где Диканька предстает средоточием Малороссии, как графство Пертское – Шотландии. И потому так ярко символичны характеры, привычки и поступки гоголевских героев, их вера, разговоры, пороки, одежда, жилище, окружающая природа и прочее. Охват персонажей явно повторяет романский: среди народных героев бытового плана находятся царственные особы, наделенные особой властью активно и непосредственно вмешиваться в действие или влиять на него. Но именно обычные персонажи, совершая те или иные поступки, побеждая или проигрывая, живут полной жизнью, тогда как царственные особы обособлены от общества и ограничены своей властью, не всегда праведной.

Главные герои – молодые кузнец и красавица, а временем (и поводом) их соединения становится христианский праздник (заметим, что в православном церковном календаре нет дня св. Валентина, а римско-католическая церковь считает его празднование, скорее, народной традицией). При этом в повести фактически повторяется изображение неполных семей (полусиротства) главных героев: у Оксаны только отец (как у Катерины), только мать у Вакулы – ведьма Солоха (а Генрих Шмит был показан круглым сиротой). Семейный же союз кузнеца и красавицы просто обязан быть полноценным, и потому финал и романа, и повести принципиально одинаков: после свадьбы героев в положенный срок следует рождение их ребенка как религиозное и природное одобрение их союза.

Исходя из очевидного соотношения двух произведений, следует отметить, что в повести Гоголя черты доброй и мудрой «чистой» красавицы, которой принадлежит разрешение конфликта, перенесены на царственную особу – Екатерину II. В то же время интриги и непоследовательность, свойственные в романе В. Скотта принцу и его окружению, характеризуют Потемкина. И более обстоятельно, крупно, со множеством мелких подробностей выписаны фигуры и характеры простолудинов, которые создают фон для появления главного героя, чьи профессия и увлечения играют особую роль в сюжете и романа, и гоголевской повести.

Носящий древнегерманское воинское имя, Генрих Шмит-кузнец делает оружие, путешествует, ищет приключений, совершает убийства на поединках. Этот энтузиаст с «пылким воображением» читает «старинные баллады» и сам сочиняет

стихи, но робок со своей возлюбленной. Вакула же носит греческое по происхождению, сельское имя «пастуха, погонщика скота» и создает не военные смертоносные, а мирные сельскохозяйственные орудия. Реализуя задатки художника, он красит стены и заборы, расписывает посуду, но способен создать и церковный образ. В Зимнем дворце его поражает западноевропейская картина на религиозную тему.

Безусловно, в основу изображения двух кузнецов заложены известные общеевропейские мифологические представления: их ремесло было окутано тайнами, наделялось необычными свойствами. Сама обработка железа и создание из него тех или иных предметов напоминали сотворение мира, его преобразование из хаотического состояния – в космическое, упорядоченное. Это воспринималось как магическое действие, связанное со стихией огня, с умением использовать ее, обрабатывая металл, а потому и сам кузнец в народном сознании наделялся не только необычной силой, но и потайными знаниями, недоступными обычным людям и дающими возможность влиять на их жизнь и здоровье.

Об этом свидетельствуют фольклорные мотивы перековывания кузнецом грубого голоса в тонкий, старого человека в молодого, а также выковывания уз, соединяющих влюбленных, судьбы или жизни вообще. Например, малороссийская повивальная бабка, обмывая новорожденного сразу после появления на свет, приговаривала: «Спасибы, тоби, коваль, що ты нам дытину сковав». Продуктивная сила кузнеца отразилась и в русской поговорке о рождении детей: «Был бы коваль да ковалиха, будет и этого лиха!» То есть связь образа кузнеца с эротической символикой, а соответственно и с идеей *порождения* жизни была достаточно очевидной и постоянной.

Кроме того, во многих мифологических рассказах кузнец выступает как «знающий», то есть обладающий магическим знанием. Владение такими знаниями и силой в народном сознании нередко объяснялось его связью с демоническими существами: бытовали представления, что у кузнеца были особые отношения с нечистой силой – в первую очередь, с чертом (согласно народной пословице: «Умудряет Бог слепца, а черт кузнеца»). Этот демонизм объясняется, по народным представлениям, сходством кузнечного горна с адским пеклом. Традиционно крестьянки старались не посещать деревенскую кузницу и вообще обходить ее стороной, полагая, что туда заманивает нечистый.

В славянских сказках, легендах и быличках кузнец и черт представляли устойчивую пару. Иногда черт выступал как подмастерье кузнеца, попутчик или заказчик, которому нужна кузнечная работа. Однако в фольклоре чаще встречаются мотивы их соперничества и противоборства. Так, весьма распространенным был мотив «кузнецы бьют молотами плененных чертей». В сказках и мифологических рассказах кузнец нередко обманывал и прогонял черта, и, зная эту нелюбовь к себе, черт, в свою очередь, с помощью своих необычных умений старался перехитрить кузнеца, поставить его в безвыходное положение. Таким образом, известные нам фольклорные мотивы в повести Гоголя «работали» на своеобразную и яркую сказочность народной повести, образуя ее «второй план», которого был принципиально лишен исторический роман «шотландского чародея».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альтшуллер, М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов / М. Г. Альтшуллер. – Санкт-Петербург: Академический проект, 1996. – 336с.

Анненков, П. В. Литературные воспоминания / П. В. Анненков. – Москва: Художественная литература, 1983. – 694с. – (Серия лит. мемуаров).

Вайскопф, М. Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст / М. Я. Вайскопф. – 2-е изд., испр. и расшир. – Москва: РГГУ, 2002. – 686с.

Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: Т. I–XIV / Н. В. Гоголь. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Денисов, В. Д. Петербургский текст Гоголя / В. Д. Денисов. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – 384с.

Дмитриева, Е. Е. Н. В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами / Е. Е. Дмитриева. – Москва: ИМЛИ РАН, 2011. – 392с.

Жилякова, Э. М. Шотландские страницы. Эхо Вальтера Скотта в русской литературе XIX века: Очерки / Э. М. Жилякова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 292с.

<Скотт В.> Пертская красавица, или Праздник Св. Валентина. Исторический роман Сира Валтера Скотта / Пер. с фр. М. Воскресенский. – Москва, 1829. Ч. I–IV.

REFERENCES

Al'tshuller, M. G. Epokha Val'tera Skotta v Rossii. Istoricheskiy roman 1830-kh godov / M. G. Al'tshuller. – Sankt-Peterburg: Akademicheskii proyekt, 1996. – 336s.

Annenkov, P. V. Literaturniye vospominaniya / P. V. Annenkov. – Moskva: KHudozhestvennaya literatura, 1983. – 694s. – (Seriya lit. memuarov).

Vayskopf, M. Ya. Syuzhet Gogol'a: Morfologiya. Ideologiya. Kontekst / M. Ya. Vayskopf. – 2-ye izd., ispr. i rasshir. – Moskva: RGGU, 2002. – 686s.

Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochinenij: T. I–XIV / N. V. Gogol'. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952.

Denisov, V. D. Peterburgskiy tekst Gogol'a / V. D. Denisov. – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2018. – 384s.

Dmitriyeva, Ye. Ye. N. V. Gogol' v zapadnoyevropeyskom kontekste: mezhdru yazykami i kul'turami / Ye. Ye. Dmitriyeva. – Moskva: IMLI RAN, 2011. – 392s.

Zhil'akova, E. M. Shotlandskiye stranitsy. Ekho Val'tera Skotta v russkoy literature XIX veka: Ocherki / E. M. Zhil'akova. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2014. – 292s.

<Skott V.> Pertskaaya krasavitsa, ili Prazdnik Sv. Valentina. Istoricheskiy roman Sira Valtera Skotta / Per. s fr. M. Voskresenskiy. – Moskva, 1829. Ch. I–IV.